

УДК 8С+9(С18)

Введение в отечественный обиход польско-сибирского историко-источникового наследия и его восприятие в русле дихотомии *восток – запад*

Б. С. Шостакович

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья содержит комплексный обзор и анализ общественных откликов на осуществление научно-издательского проекта введения в российский научно-культурный обиход исторического польско-сибирского источникового наследия. Рассмотрены противоречивые мнения и оценки по указанному поводу, выстраиваемые в своеобразную дихотомию *восток – запад*. Крайний консервативно-экстремистский полюс последних отражен в сибирской прессе агрессивными нападками на само опубликование прежде неизвестных зарубежных (польских) источников по региональной сибирской истории и шельмованием подобной работы с откровенно шовинистских и ксенофобных позиций. Принципиально иные наблюдения и оценки того же проекта в специальной научной литературе у профессиональных ученых. Они обсуждают приоритеты начатого проекта, оценивают его внутрисоссийскую и международную значимость, также методологические принципы, пути и формы дальнейшего осуществления.

Ключевые слова: региональные СМИ Приангарья, специальная научная литература, польско-сибирское историко-источниковое наследие, польские источники по сибирской истории, западные этнокультура и традиции в историческом процессе развития востока России, идеологическая диверсия национал-шовинистского толка, ксенофобия, шовинизм.

Выбор темы данной статьи совершенно не случаен. Он продиктован актуальными проблемами непосредственного продолжения и развития издательской серии – «Польско-сибирская библиотека» (далее – ПСБ), уже реально начатой выпуском в 2009 г. в Иркутске ее 1-го тома [1]. В общем предисловии к начальному тому данного издания его составителем и автором его же идеи (также – и автором нынешнего очерка) были предельно ясно изложены цели и задачи задуманной серии. В частности, по этому поводу сказано следующее: «...Диапазон проблематики истории поляков в Сибири остается не просто еще далеко не исчерпанным, но и на каждом шагу обнаруживает массу белых пятен, ожидающих своих внимательных и настойчивых исследователей. [...]

Одним из таких неотъемлемых компонентов [...] польско-сибирской истории, практически неизвестных в российском историко-культурном обиходе

и заслуживающих самого серьезного внимания, является накопленное за продолжительное ее развитие в зауральском регионе российского государства огромное мемуарное, дневниковое, эпистолярное и иного рода источниковое наследие, принадлежащее перу нескольких поколений поляков, чья судьба оказалась связанной с Сибирью [...]

В сущности, речь идет о том, что из поля зрения сибирской и российской общественности абсолютно выпал, оставшись столько же незамеченным, сколько и никоим образом не осмысленным, целый историко-духовный и ментальный пласт. В нем получил своеобразное преломление опыт взаимодействия различных многонациональных культурных традиций и идеологий в сибирском регионе России в соответствующих исторических условиях.

[...] Едва ли нужно [...] развивать доводы в пользу актуальности и важности введения указанного польско-сибирского мемуарно-эпистолярного и иного родственного по жанровому характеру наследия в повсеместный русскоязычный обиход, а заодно и объяснять закономерность и оправданность осуществления этой задачи непосредственно в Сибири, в Иркутске.

Книга, которую предваряет данное вступление, [...] является непосредственным практическим шагом в русле реализации всех перечисленных целей. В ней из существующего огромного объема произведений польско-сибирской литературы отобраны те, что достаточно репрезентативны – и по ценности их конкретно-информативного содержания, и по уже сложившейся вокруг их авторов историко-культурной традиции. [...] *Представленные в книге польские записки о Сибири [...] заслуживают, чтобы, с них началось знакомство российского читателя с обширными источниково-литературными польско-сибирскими сокровищами, еще дожидаящимися своего возвращения общественности из незаслуженного забвения [...]*» (выделено нами. – Б. Ш.) [7, с. 8–10].

Приведенная обширная цитата из вступления к 1-му тому новой серии позволяет заключить, что еще в начале ее выпуска были предметно определены важнейшие содержательные цели и перспективы намеченного проекта в целом. Он был изначально обозначен как *коллективная, долгосрочная научно-публикационная работа по введению в отечественный культурный и исследовательский обиход обширного и доселе практически неизвестного в своей основе обширного массива многообразного исторического наследия. Сущностную природу последнего определяет дихотомия «восток – запад»* (выделено нами. – Б. Ш.).

Между тем непосредственный выпуск начального тома серии, как и последовавшая работа по ее продолжению, обнаружили неоднозначное отношение к указанному проекту различных кругов современной российской и зарубежной (по преимуществу польской) общественности. При этом нельзя не подчеркнуть, что упомянутое восприятие было проявлено, в частности, и в формах, непредвиденных изначально. Как выясняется, рассматриваемая проблематика сохраняет весьма существенную злободневность, остроту и востребованность в совершенно новых, современных условиях развития обществ Сибири, России и Польши. Выявившиеся в связи с отмеченным новейшие

тенденции нуждаются в систематизации и анализе как практические результаты *своего рода социокультурного тестирования «де факто»* восприятия существенно меняющихся современных подходов к изучению проблематики исторического прошлого российско-(сибирско)-польских отношений.

Настоящий очерк вполне логично начать в рассматриваемом далее тематическом ракурсе с наиболее крайней позиции, выражающей откровенную экстремистскую направленность.

Так, попавший в одно из изданий прибайкальской местной прессы материал, содержащий интервью с участниками презентации вышедшего 1-го тома ПСБ [5], неожиданно вызвал почти незамедлительный откровенно оскорбительный отклик – в той же самой газете. Последняя, издаваемая на частные средства и преподносимая местной читательской среде как «демократическая альтернатива» существующей официальной прессе, услужливо отвела для него ...целую страницу. Пасквильную публикацию соорудил известный в местных СМИ «умелец» такого рода. Его подлинного имени не станем здесь упоминать. Воспользуемся тем, что скандальный автор сам прикрылся псевдонимом (в нем весьма неуклюже имитированы якобы «польские» имя и фамилия – Герман Рачковский), подписав им рассматриваемую здесь публикацию. В настоящем очерке пасквильянт обозначен образованными от его псевдонима инициалами – «Г. Р.» [4].

Казалось бы, сама по себе публикация автора, уже отмеченного нелестной репутацией, едва ли заслуживает специального внимания, а тем более, – углубления в ее подробности. Однако совершенно очевидно, что в ней выражена позиция определенных общественных сил (пользующихся молчаливой поддержкой редакции самой упомянутой газеты), стремящихся, не раскрывая себя напрямую, через заказной демарш в прессе возбудить экстремистские ксенофобные настроения в читательской среде. Объектом публичного наскока волею обстоятельств оказались польские политические ссыльные XIX в. в Сибирь (их Г. Р. по-дилетантски огульно именует «польскими повстанцами»). Самым удивительным явилось то, что именно выпуск первой системной, полномасштабной публикационно-исследовательской работы на русском языке, вводящей в научно-культурный оборот польские исторические источники, относящиеся к Сибири, вызвал данную пасквильную провокацию.

Вопреки ожиданиям, Г. Р. проявил полное отсутствие хотя бы элементарной профессиональной репортерской любознательности. Без обиняков он предупредил, что «сразу выносит за скобки содержание книги», пояснив тут же: «На прочтение этого роскошного и увесистого фолианта требуется определенное время». Видимо, заказчики статьи так «пришпорили» мастера газетных скандалов, что буквально с ходу он ухватился за вопросы «по поводу интервью», объявив, что у него их – «много» и попытавшись придать им брошюрную форму с намеками на обличительность! «Главный», в его понимании, риторический «вопрос» он даже вынес в название всей своей публикации. «Нужны ли Иркутску польские повстанцы?» – задиристо гласит он. (К нему мы еще вернемся позднее). Г. Р. «ставит ребром» также иной свой вопрос:

«Насколько корректно вообще делать из сосланных поляков “наше все”» (sic в тексте! – Б. Ш.).

Не говоря об очевидной претенциозности подобных «априорных вопросов» с явно осудительным подтекстом, заметим, что их автор демонстрирует себя, скажем, в достаточно неловком виде. По собственному признанию, он «увесистого фолианта» не читал, но тем не менее стал задавать вопросы, *заведомо сеющие сомнения в целесообразности его появления!* «Вопросительные пассажи» Г. Р. невольно ассоциируются со сделавшейся крылатой сентенцией советской эпохи: «Пастернака я не читал, но осуждаю»!

Не может не привлечь внимания и рисунок, «оформивший» публикацию анализируемого пасквиля. На нем – толстый том с надписью «История» (почему-то по-английски (!?) – Б. Ш.), в который воткнута авторучка, «вмонтированная» в саперную лопатку [4]. Вне зависимости от исходной идеи столь «своеобразного графического образа темы», автору данных строк оно навяло аллегория писанины Г. Р. «саперному подкопу» в прессе. Самого Г. Р. можно уподобить «саперу-диверсанту» под маской «любопытствующего газетчика». К этим аллегориям мы еще вернемся ниже.

Не имея возможности рассматривать все несообразности нападок Г. Р., отметим лишь наиболее характерные из них. Г. Р. прибегает к полемическому допущению некоего будущего «интервью «некоей журналистки» с «неким историком», в ходе которого историк «сразу же после презентации своей книги [...] заявляет по поводу “репрессированных” героев своего исследования: «Действительно, [...] они любили свою Родину, они сражались за нее как могли, за что их покарала?» Это дает основание Г. Р. для негодующей тирады: «Ни в одной стране мира историкам и в голову не придет упрекать своих правителей прошлого за то, что [...] расправлялись с сепаратистами, [...] и походя проклинать «бесчеловечную и жестокую политику Российской Федерации» (sic в тексте! – Б. Ш.).

И здесь, видно, сам того не ожидая, «сапер»-газетчик «подрывается» на небрежно «выкопанной» им из непрочитанной книги «мине»! Кого он «разоблачает», уподобляя персонажей оставшегося неведомым ему «фолианта» – современным лидерам кавказских террористов? О каком «авторе-историке» ведет речь? Быть может, он метит в профессора Б. С. Шостаковича?

А между тем, если б Г. Р. удосужился познакомиться хотя бы со введением к мемуарам В. Мигурского (первые из помещенных в «фолиант»), то, вероятно бы, понял (вместе с укрывшимся за его спиной подстрекателями): вопрос «За что?» – это и заглавие, и лейтмотив произведения Л. Н. Толстого о драматичной судьбе упомянутого польского политического ссыльного (Г. Р. как дилетант именуется его «повстанцем»), хотя, по правде сказать, Мигурский был сослан не за восстание, подобно и остальным авторам мемуарных произведений, включенных в 1-й том новой издательской серии)...

Конечно же, великий классик русской и мировой литературы не нуждается в защите от нелепых и примитивных на него нападок. Он и без того навечно является великим русским патриотом. Пасквилянту Г. Р. можно лишь напомнить, что в свое время Лев Николаевич понюхал пороку как боевой

офицер, в том числе и на Кавказе. Но это его не озлобило, он не ударился в столь близкий сердцу Г. Р. шовинизм, но сумел проникнуться психологией и духом патриотизма борцов за независимую Польшу! Очень важно подчеркнуть, что еще за столетие до провокации, устроенной «патриотом» Г. Р. в местной газете вокруг «дилеммы», нужны ли России борцы за свободу польского отечества, великий писатель уже во весь голос поднял совсем иной, подлинно актуальный вопрос: – За что? И, в присущей ему манере, красноречиво и убедительно сам на него ответил!

Принципиально значимо отметить также, что «обличителем» Г. Р. история воспринимается буквально как продукт повседневного потребления. Он всерьез полагает, что из прошлого можно «извлекать» только то, что ему субъективно представляется «нужным». Иными словами, Г. Р. далек от научного понимания предмета истории – как процесса, где все находится в постоянном развитии и в системной взаимосвязи, а потому не может быть по субъективным соображениям «вырвано» из контекста (иначе говоря, фальсифицировано). Именно метафизический взгляд Г. Р. на историю объясняет возникновение того самого, по его же выражению, «главного» вопроса, которым он озаглавил рассматриваемую здесь публикацию. Собственно заинтриговать этот «главный» вопрос может разве что подобного самому Г. Р. дилетанта. Специалисты же сразу поймут его полную абсурдность. Ведь в науке аксиоматично, что прошлое не рассматривается в категориях «нужности» или «ненужности», ибо является исключительно объективной данностью. Таким образом, «главный» вопрос Г. Р. – полная бессмыслица. Как всерьез можно «выяснять», «нужна ли Иркутску ... его история»?!

Таким образом, Г. Р. отнюдь не готов к постижению исторической истины. Взамен своим «саперным» пером он «выкапывает из ниоткуда» массу нелепых измышлений, полную мешанину разрозненных фактов, путает их и коверкает! Все это дополняет агрессия, замешанная на шовинистских фобиях! Все «польские повстанцы» для Г. Р. – «враги» (позволительно спросить, каких, собственно, повстанцев он вообще имеет в виду? – *Б. III*). На читателей Г. Р. обрушивает еще одно свое «клепящее вопрошание»: «Почему только мы, россияне, склонны делать “героев борьбы за нашу и вашу свободу” из тех, кто [...] стремился подорвать ее государственную мощь в угоду геополитическим противникам?» Не испытывая сомнений, пугает он читателя мифами о «Сибирском легионе вольных поляков», якобы, «отлично вооруженном британским оружием» (*sic!* – *Б. III*) и «посягавшем на целостность государства». Его «пули ...летели, ранили, калечили и убивали русских солдат ...и в Сибири», – утверждает он, добавляя, будто «кто-то из наших читателей может обнаружить среди убитых и раненых своего прямого предка».

Подстрекательские тирады Г. Р. подкрепляет данными вовсе не из объективных исторических источников. С ними знакомиться ему недосуг, потому он прибегает к иллюзорным псевдоисторическим «аналогиям». Такой подход весьма удобен для объявления пресловутых «польских повстанцев» некими «мятежными сепаратистами» в Российской империи. Грубо подгоняя свои мифы под современный «политжаргон», Г. Р. бессовестно проводит знак ра-

венства между всеми, без исключения, польскими политическими ссыльными XIX в. и современными боевиками, действующими на Кавказе против законной, государственной власти. В таком «саперно-историческом конструкторе» все выглядит – банально просто! Врагами объявлены извечные «польские повстанцы» ...и современная Чечня. Они – «не наши», «чужаки»! А «Россия – она всегда Россия: и при царе, и при коммунистах, и сегодня». Таково еще одно «идейное откровение» Г. Р. Он рисует примитивный, внеисторичный, карикатурный, «образ» Российского государства, где все его граждане, якобы, – сплошь «русские» и, как один, – все отстаивают его вечную «неизменность» от «всегдашних врагов»!

Все подобное едва ли приемлемо для гуманитария, как утверждают, с университетской подготовкой, хотя бы сколько-нибудь сведущего в истории собственного отечества, а не просто болтающего о его «вечной неизменности». Что, к примеру, означает для Г. Р. «легион» широко известных польских имен, заслуженных и признанных как в нашем отечестве, так и в Польше, и в мире (по его терминологии, все это польские повстанцы, априорно огульно лично им унижаемые): Б. Дыбовского и В. Годлевского, Я. Черского и А. Чекановского, Ч. и В. Дорогостайских, М. Хартунга и С. Вэнгловского, В. Копэрского и С. Вроньского, А. Сохачевского и Ю. Бэркмана... Ни в какой очерк не вместишь всего обширного их перечня, а тем более, – многогранного наследия, ими оставленного. Все это можно дополнить еще тысячами иных имен, пусть и не столь известных, но никак не менее достойных уважения и запечатлевшихся в памяти поколений вовсе не «убивавшими предков пулями», но огромным трудом на благо развития Сибири и России...

Так неожиданным образом демагог от публицистики Г. Р. вместе с его тайными вдохновителями умудряются опозилить классический источниковедный раздел польско-российско-сибирского исторического прошлого, крайне спекулятивно его примитивировав и уподобляя современным политическим реалиям. Разумеется, что никакие исследовательские проблемы исторического социо- и этнокультурного анализа Г. Р. и в голову не приходят. Насущные задачи заполнения лакун в отечественных источниковедении и историографии сибирско-польской истории попросту не укладываются в «прокрустово ложе» его ретроградных схем истории и культуры, неизменно толкуемых в категориях «нужности» и «ненужности», «нашести» и «ненашести». Легко заметить, что с позиций «казарменного патриотизма» Г. Р., серьезная научная историко-культурная проблематика просто не воспринимается адекватно и вызывает исключительно одни лишь «гневные вопрошания».

Вероятно, тем же подходом порожден и декларируемый Г. Р. «кодекс поведения историка» в духе тоталитарной нравоучительности, в современных условиях невольно приобретающий пародийный оттенок. «Патриот», не читавший критикуемую им работу, не говоря уже о том, чтобы уловить ее смысл, высокомерно поучает: «Профессия историка ко многому обязывает. Историческая *наука [...] должна содержать обязательную воспитательную составляющую*». [...] Трудно не поддаться соблазну быть изданным, да еще в таком формате [...] Приятно слышать о себе как об ученом международ-

ного уровня. Но, по моему глубокому убеждению, – заявляет Г. Р., – *историк должен быть государственным, тем более – служащий в государственном университете*» (выделено мною. – Б. Ш.).

Характерно, что «государственник», в понимании Г. Р., – это, отнюдь, не творчески мыслящий «ученый международного уровня», но – тот, кто *«должен быть»* послушным «исполнителем» некоего «государственной задачи». В толковании Г. Р., историческая наука *«должна содержать»* (выделено мною. – Б. Ш.) обязательный воспитательный компонент. Здесь автор настоящего очерка не может не уточнить, что первый том начатой им и его коллегами серии, как и последующие, – призваны в определенной мере способствовать расширению культурного кругозора добросовестных читателей, а значит, – их воспитанию в русле интеллигентности и толерантности. Однако весь потенциал этой новой литературы нейтрализует отсутствие у «потенциальных воспитуемых», подобных Г. Р., общих культурных навыков, включая и неприязнь их к чтению.

Публичные атаки «саперного просветителя» Г. Р. на новый научно-издательский проект поражают национальной нетерпимостью и претензиями на внедрение в общественное сознание некой тоталитарно-«государственной» идеи. Рассуждая о «воспитательной составляющей» истории, сам Г. Р. борется с современными знаниями об историческом прошлом отечества. Ведь это он априори отвергает и шельмует 1-й том «ПСБ», а достоверную историческую информацию – фальсифицирует, на что указывает множество безбожно им перевернутых исторических реалий!

Видимо, вместе с заказчиками и публикаторами своей подстрекательской стряпни, Г. Р. претендует на место в ряду тех, кому «положено знать, что именно государству нужно и полезно, а что – нет». По глубокому убеждению пишущего данные строки, все это чревато серьезной угрозой не только для сибирского общества, но и для общероссийского. Ведь подлинный смысл научно-исследовательского и издательского проекта «ПСБ» «тоталитарный государственник» Г. Р. буквально перевернул с ног на голову. Его он расценил ...как враждебную акцию «четкой антироссийской ориентации», в которой «на увековечение их памяти (Г. Р. говорит о ссыльных участниках польского освободительного движения, рассматривая их огульно как «польских повстанцев» – «неизменных врагов России». – Б. Ш.) в Варшаве не жалеют средств»!

Таким образом, публикация Г. Р. в связи с выпуском 1-го тома пионерной публикационно-исследовательской серии представляет собою идеологическую диверсию национал-шовинистского толка. В ней грубым нападкам подвергнуты суверенная зарубежная страна и представители нескольких народов. Не менее оскорбительно и отношение Г. Р. к уникальному, обширному историческому наследию самого российского отечества. Серьезная работа по воссозданию последнего, начатая специалистами при поддержке ряда и польских, и российских учреждений, крайне бездарно и безосновательно извращается и порочится им. Попытка Г. Р. представить указанный значимый и долгосрочный научно-культурный проект едва ли не как «заговор» «на средства из

Варшавы», – вдвойне позорная провокация. Она бросает тень и на всю региональную прессу. Ибо никто из представителей последней не отмежевался хотя бы отчасти от нападков своего фашиствующего собрата по профессии Г. Р., ни в коей мере не одернул его публично. Нет смысла говорить уже о газете, не погнушавшейся предоставлением своих страниц под экстремистскую национал-шовинистскую провокацию. Региональные СМИ Приангарья окружили последнюю завесой молчания, что трудно рассматривать как нормальное реагирование на подобное.

На фоне столь неожиданного восприятия местной журналистикой нового научно-издательского проекта представляет интерес знакомство с иными на него откликами – в специальной научной литературе. При этом возможно и проведение предварительного сравнительного анализа всех таковых.

Уже первая из публикаций, относящихся к рассматриваемой теме – рецензия 1-го тома польско-сибирских воспоминаний и дневников профессора Иркутского госуниверситета А. В. Дулова [2], – составляет очевидный контраст ранее рассмотренному нами пасквилю. «Иркутск не случайно стал городом, в котором публикуются польские изгнанники: три из четырех авторов писали свои воспоминания и очерки именно здесь», – отмечает этот рецензент. Развивая свою характеристику 1-го тома новой серии, он указывает: «Рецензируемый сборник имеет важное значение для всех, кто интересуется жизнью Сибири XIX в. [...] Общее число борцов за независимость Польши, попавших в Сибирь в XIX в., оценивается более чем в 20 тыс. Кроме того, немалое число поляков приезжали в Сибирь по собственной инициативе в качестве чиновников, военнослужащих, торговцев и ремесленников. В результате в XIX в. происходит частичное “ополячивание” Иркутска и других сибирских городов. Часть приезжих поляков осталась в Сибири, а теперь среди иркутян нетрудно встретить потомственных сибиряков с польскими фамилиями» [2, с. 244–245].

Также рецензент отмечает выполненную автором данного очерка «огромную работу [...] по источниковедческому и историографическому обзору, составлению биографических очерков и комментариев к каждому из включенных в книгу текстов. В статьях и комментариях составителя упоминаются сотни польских ссыльных, представителей администрации и сибиряков, вступавших во взаимоотношения с авторами мемуаров», – указывает он. Подытоживая характеристику выпущенного тома, А. В. Дулов обращает внимание на то, что «в целом сборник *содержит большой новый объем информации о Сибири XIX в.* (выделено автором очерка. – Б. Ш.). Хотя в его текстах основное внимание уделено польским ссыльным, иногда встречаются субъективные и даже националистические оценки, *он дает также много сведений о жизни русского и коренного населения, составе и действиях администрации, ссыльных декабристах*» (выделено тем же автором. – Б. Ш.). Обратив внимание на то, что «сборник имеет подзаголовок «Польско-сибирская библиотека», так как планируется издание новых томов, написанных поляками, находившимися в сибирской ссылке», профессор А. В. Дулов признает, что «пер-

вый шаг в этом направлении оказался удачным» и выражает пожелание «успешного осуществления этого замысла» [2, с. 245].

Напрашивается сопоставление оценок по поводу первого издания, открывающего намечаемый серийный исследовательско-публикационный цикл в ранее рассмотренном нами пасквиле Г. Р. и в цитируемой рецензии. Там, где прикрытый псевдонимом демагог-газетчик «мечет» свои «патриотические громы» и поучает насчет «недопустимости для ученого-государственника» даже упоминания «польских повстанцев-сепаратистов», другой, реально заслуженный в научной среде авторитет и компетентный специалист, вполне квалифицированно дает иную характеристику новому научно-источниковедческому труду. В противовес априорной шовинистской истерии, которой переполнен пасквиль Г. Р., в рецензии А. В. Дулова продемонстрирован вполне взвешенный объективный подход ученого-историка. В ней в равной мере отмечаются выявляемые тенденции заметного польского воздействия («ополячивания», как их именует сам профессор) на Иркутск и другие сибирские города, наряду с подчас наблюдаемыми в польско-сибирских оценках проявлениями субъективизма и даже национализма. В свою очередь, по мнению пишущего эти строки, аспекты сибирско-польской проблематики, отмеченные А. В. Дуловым, могут быть расценены и как прямые указания на целый спектр конкретных тематических направлений научных исследований, необходимых для проведения в последующем. В целом они актуализируют и расширяют сложившиеся прежние представления о таковых в целом.

Именно такого рода научные разработки могут способствовать расширению наших пока еще недостаточных знаний о целом комплексе этнокультурных и психологических проявлений польского присутствия в контексте сибирской истории. Иными словами, речь идет о тех самых проявлениях западной этнокультуры и традиций в историческом процессе развития востока России, которые надлежит в дальнейшем выявлять, проследить и анализировать методами и средствами науки. Подобная весьма непростая и ответственная работа мотивируется не одними лишь задачами расширения академического исторического познания. Она вызвана еще и потребностями совершенствования и углубления научных методов противостояния антигуманной, ксенофобной идеологии. Существенную важность последних наглядно подтверждает проанализированный выше провокационный демарш фашиствующего русо-«патриота» Г. Р. и его пособников в региональной приангарской прессе, столь откровенно агрессивно откликнувшихся на начало отечественного научного серийного издания польско-сибирского источникового наследия. Нетрудно заметить, что здесь также имеются в виду «воспитательные» задачи науки, действительно неизменно актуальные в условиях современного идейного состояния общества, в особенности при их обращении к младшим поколениям. Однако вполне естественно, что при этом подразумеваются цели, диаметрально противоположные той экстремистской, шовинистской пропаганде, что проведена Г. Р. с печатной трибуны.

Еще более широкую, научно-интегрированную характеристику начало создания «ПСБ» получило в сибирском научном журнале гуманитарного про-

филя, общепризнанном также и во всероссийском масштабе. Ее автор М. В. Шиловский, профессор Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН, проанализировал материалы, включенные в 1-й том мемуарной антологии, сделав некоторые собственные оригинальные выводы [6]. В частности, осуществленное издание расценено им как «выдающийся вклад в корпус воспоминаний, относящихся к Сибири первой половины XIX в.». Им же отмечено, что «значимость вводимых в научный оборот источников определяется не только уникальностью содержащейся в них информации, но и тем, что они были написаны по свежим следам и зафиксировали непосредственную реакцию очевидцев». Особенно, на взгляд автора нынешнего эссе, существенно в аспекте сибирского источниковедения сделанное рецензентом наблюдение, что «над мемуаристами не довлел цензурный гнет, заставлявший российских и сибирских авторов соответствующим образом «причесывать» при подготовке к печати свои произведения, а кое-что вообще не включать в них. Ярким примером в этом отношении являются воспоминания С. С. Шашкова и Н. М. Ядринцева, – замечает он же. – Изданные за пределами Российской империи – в Познани, Кракове, Львове – сочинения польских ссыльных отличаются свободным и критичным освещением российских и сибирских реалий, содержат порой резко критические оценки чиновничьего мира и отдельных его представителей, а также его деятельности». Михаил Викторович, «высоко оценивая рецензируемое издание», высказывает свое мнение о том, что предложенный пишущим эти строки издательский проект «необходимо реализовать и именно в Иркутске, который примерно со второй половины XX в. становится центром исторического книгоиздания» [6, с. 93].

Весьма важной в теоретико-исследовательском аспекте является констатация рецензентом-профессором того обстоятельства, что «для сибирских историков польские мемуары представляют интерес не только как носители информации о ссыльных поляках, поэтому о них в Польше осведомлены больше, чем у нас, но как источники по истории региона. И соответственно, с учетом этого обстоятельства их необходимо отбирать и готовить к публикации». Отмечая также и то, что не следует забывать об источниках не только польского, но и русского авторства, среди которых «немало все еще неопубликованных и даже не введенных в научный оборот», М. В. Шиловский приходит к весьма знаменательному выводу: **«В этом плане работы – непечатый край не только по польской проблематике. Но к ней нужно приступать»**, – заключает он свой анализ (выделено автором очерка. – Б. Ш.) [6, с. 93–94].

Во всех, без исключения, высказываниях и характеристиках, содержащихся в рецензии маститого историка-сибироведа, автором данного аналитического эссе обнаружены чрезвычайно ценные в теоретическом и конструктивном отношении «рекомендации к действию». Даже критические замечания рецензента о том, что в 1-м томе «мало или практически ничего не говорится о жизненном пути героев» [6, с. 93] (подразумеваются авторы опубликованных мемуарных произведений. – Б. Ш.), хотя самому автору и представляются не вполне справедливыми (на самом деле практически ни одна сколько-

нибудь существенная биографическая подробность, относящаяся к авторам опубликованных мемуаров и дневниково-очерковых польско-сибирских работ, не оставлена в рассматриваемом 1-м томе без внимания; в том числе некоторые, ранее уже отраженные в предшествовавших работах, специально оговорены в соответствующих отсылках во вступительных очерках к публикациям данного тома), они тем не менее могут быть восприняты и как косвенное признание необходимости посвящения подобным персоналиям специальных справочных работ в целях более широкого информирования о них и соответствующей их популяризации.

Настоящий обзор остался бы неполным без аналитического рассмотрения в нем также и характеристик начавшегося издательского проекта в Республике Польша. В определенной мере это отражено в рецензии 1-го тома серии доктора Анны Милевской-Млыник, помещенной в общепольском журнале «Ссылный», выпускаемом Научным советом Главного правления Союза сибиряков [9, с. 93]. Некоторые из оценок, высказанных в указанном отклике, заслуживают цитирования и осмысления в данном очерке.

В частности, автор рецензии отмечает, что «антология текстов политических ссылных является [...] книгой, приближающей к российским читателям историю поляков, выславшихся в качестве наказания в Восточную Сибирь. [...]. К темам, наиболее слабо разработанным [в российской историографии], принадлежит литературное наследие многих поколений ссылных, конкретнее же, – их воспоминания, дневники и письма. [...]. Книга имеет целью частично восполнить этот пробел».

А. Милевска-Млыник констатирует: «Хотя книга предназначена для российских читателей, поляки также должны обращаться к ней, – прежде всего, имея в виду написанные Б. Шостаковичем обширные введения к текстам ссылных. Они содержат анализ научных работ, посвященных отдельным авторам, биографические сведения о них, обусловленности занимаемых ими позиций и определение ценности их литературного наследия. *Конечно же, в нашей стране* (рецензент имеет в виду Польшу. – Б. Ш.) *возникло много работ такого типа. Но, замыкаясь в круге собственных интерпретаций вопроса “польской Сибири”, мы лишаемся более широкой перспективы взгляда на проблему ссылки»* (выделено автором очерка. – Б. Ш.), – подчеркивается в рецензии [9, с. 85–86]. В ее завершение рецензент отмечает: «Стоит добавить, что книга открывает новый издательский цикл “Польско-сибирская библиотека”, в котором, согласно намерениям Б. Шостаковича, будут обсуждаться *важные, но мало известные российским читателям вопросы, связанные с нашей историей и культурой. Этот проект бесспорно заслуживает осуществления, однако его реализация будет зависеть от возможности изыскания средств на очередные публикации* (выделено автором очерка. – Б. Ш.)» [9, с. 87].

Цитируемая рецензия, безусловно, привлекает внимание нестандартным восприятием разработок российского историка в русле рассматриваемой темы. Заметим откровенно, что в современной польской историографии признание значимости таковых – факт достаточно редкий. Также невозможно не от-

метить и стремление рецензента-историка к анализу предпринятой научно-издательской акции вне рамок привычных стереотипов. Но при этом рецензент не избежала и традиционного взгляда на неизвестные российской читательской среде вопросы как «связанные с *нашими* (т. е. польскими. – *Б. Ш.*) историей и культурой».

В контексте данного обзора нельзя не упомянуть и о награде за 2010 г., присужденной автору-составителю 1-го тома серии «ПСБ» научной редакцией журнала «Пшегленд Вхходни», издаваемого при Варшавском университете. Безусловно, сам факт подобного награждения солидным польским научным изданием, пользующимся международным авторитетом и признанием, включение в один ряд с лауреатами той же премии за разные годы таких маститых ученых, как Лешек Заштофт (Варшава 1997), Норманн Дэвис (Оксфорд, 1997), Тимоти Снайдер (Йель, 2003), Ричард Пайпс (Гарвард, 2005), Збигнев Вуйчик (Варшава, 2008) [8] и др., нельзя не расценить как высокое признание научных заслуг автора данных строк, за что, в свою очередь, и он не может не высказать свою личную признательность.

Однако в данном же контексте нельзя не подчеркнуть и то, что наградным комитетом отмечены лишь персональные заслуги самого Б. С. Шостаковича, который, как сказано во врученной ему наградной грамоте, «на протяжении нескольких десятилетий своего одиночного труда знатока архивов, исследователя и издателя способствовал прогрессу в исследованиях судеб польских ссыльных в Сибири XIX века». Начатая награжденным 1-м томом новая издательская серия «ПСБ» не привлекла особого внимания упомянутого авторитетного Комитета и осталась вне его оценки.

Наконец, совсем недавно и достаточно неожиданно проявилась принципиальная позиция ответственных представителей польской стороны, изначально поддержавшей проект в организационном и финансовом отношении, по значительному расширению его содержания. В результате буквально на начальном этапе совершенно новаторская целенаправленная программа введения в российский оборот комплекса ценных и прежде практически неизвестных российской общественности польско-сибирских исторических источников в виде публикаций (в максимальном соответствии с принятыми общими научными нормами последних) указанной стороной оказалась расширена – включением в ее рамки (под тем же самым серийным логотипом – «ПСБ») еще и публикаций разнообразных исследовательских работ по обозначенной тематике. Автор очерка убежден, что такой шаг в развитии данного проекта, к сожалению, означает явно негативную тенденцию.

Публикование в рамках первичной издательской программы всевозможных исследовательских и иного рода материалов чисто внешне соответствует общему титульному логотипу начатой издательской серии, однако разрушает ее системность и логику. Поскольку инициаторы данного подхода к серии категорически отвергли даже вполне закономерное и логичное внутреннее подразделение включаемых в нее очередных томов соответственно их видовой принадлежности – на «источники» и «научные исследования», – прежняя концепция собственно планомерной работы по введению в отечественный

практический обиход обширного пласта уникального исторического источникового наследия неизбежно начала утрачивать смысл. Она вытесняется произвольными отбором, подготовкой и выпуском разнородных книжных позиций по «общей» теме «Поляки в Сибири». В сущности, все отмеченное означает рецидив традиционалистского «размывания» тематики польско-сибирской истории (хотя инициаторы данной «ломки» этого не осознали). Тем самым обнаружился поворот формируемой серии от начального успешного ее «старта» к развитию в виде неупорядоченного конгломерата разнородных в содержательном отношении компонентов и к соответственному снижению для читательской аудитории ее познавательного потенциала.

Таким образом, весь выявленный спектр разнообразных восприятий и оценок начатой серии «ПСБ» упорно свидетельствует в пользу принципиальной актуальности и важности осуществления изучения польско-сибирского источникового комплекса как интегрального, совокупного историко-культурного наследия, не разделяемого на «свое» и «чужое», на чем автор этого очерка неоднократно уже настаивал в предшествующих своих публикациях. Сказанное определяет не только шовинистская вылазка Г. Р. в прессе, но также и чисто конструктивная задача – достижение строгой научности восприятия источниковой основы темы [8].

Подведение итогов всего проведенного комплексного обзора и анализа откликов на включение в российский научно-культурный обиход польско-сибирского историко-источникового наследия позволяет заключить, что они отражают широкий диапазон весьма неоднозначных мнений и оценок, вполне укладывающихся в своеобразную дихотомию *восток – запад*. Ее крайний консервативно-экстремистский полюс обозначили проявления в новейшей сибирской прессе агрессивной ксенофобии и невежества шовинистов, откровенно нацеленные на само введение в отечественный обиход прежде неизвестных зарубежных (польских) источников по региональной сибирской истории. Принципиально иными наблюдениями и оценками последних учеными намечается дискуссия уже профессионалов вокруг восприятия и характеристик как достигнутых начальных результатов широкого проекта, так и путей его дальнейшего развития.

Выявленные тенденции еще раз утвердили автора обзора в его давнем убеждении, что реализация актуальных задач проекта «ПСБ» возможна лишь исключительно на основе практического международного сотрудничества, максимально согласованного и интегрированного как в концептуальном, так и в практическом отношениях. В том числе, – и в русле его софинансирования всеми заинтересованными партнерами как с польской, так и с российской сторон, с выделением грантовых средств на совместные паритетные, соисполнительские программы, с опубликованием параллельных версий издания на языках стран-участниц. Безусловно, необходим также доступ к указанному источниковому комплексу и широкой международной среды за пределами польско-российского историко-культурного пространства. Последняя задача актуализует перевод и опубликование этого материала и в англоязычной версии.

Все отмеченное направлено на преодоление инерции игнорирования и небрежения в отношении богатейшего польско-сибирского историко-культурного наследия, псевдонаучно «аргументируемого» противопоставлением якобы некой (западной) «польской враждебности» будто бы «неизменной особенности российской государственности» (восточной). Настоящий аналитический обзор позволяет установить, что подобные мифологемы поныне кроются в архаизированном ментально-обыденном сознании известной части отечественного общества. Проведенное изучение выявляет начавшееся понимание и в польских, и в российских научных кругах важности исследования польско-сибирского исторического источниковедения как сугубо общих и актуальных. Это постепенно преобразует последнее в значимый объект международного изучения. Его же научно-методологическая разработка все более обнаруживает беспочвенность прежде приписываемых ему догматизированных клише.

1. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / [рец.: С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин]. – Иркутск : Артиздат, 2009. – 600 с.

2. Дулов А. В. Начало «Польско-Сибирской Библиотеки» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2(5). – С. 244–248.

3. Олейников И. В. Премия польского журнала – иркутскому историку-слависту // Иркут. ун-т. – 2011. – 30 апр. (№ 4). – С. 1.

4. Рачковский Герман. Нужны ли Иркутску польские повстанцы? // Байкальские вести. – 2010. – 22–24 марта (№ 19). – С. 9.

5. Сухаревская Любовь. Открытие через полтора столетия. Трагические судьбы ссыльных поляков в воспоминаниях и дневниках // Байкальские вести. – 2010. – 20 янв. (№ 2). – С. 11.

6. Шиловский М. В. Рец.: «Воспоминания из Сибири...» // Гуманитарные науки в Сибири / Сиб. отд-е РАН. – Новосибирск, 2011. – № 1. – С. 92–94.

7. Шостакович Б. С. Забытые и непрочтенные сибирско-польские исторические реляции: открытие через полтора столетия // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / [рец.: С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин]. – Иркутск, 2009. — С. 8–10.

8. Шостакович Б. С. «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. Иркутск, 11–15 сент. 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 28–36.

9. Milewska-Młynik Anna. [Rec.]: Wspominania iz Sibiri: ... // Zesłaniec. Pismo Rady Naukowej Zarządu Głównego Związku Sybiraków. – [Warszawa], 2010. – N 45. – S. 85–87.

Bringing Polish-Siberian Historical and Source Heritage into national use and Its Perception within the framework of dichotomy the East–West

B. S. Shostokovoch

Irkutsk State University, Irkutsk

The article contains a complex survey and analysis of social response to the implementation of a scientific and publishing project designed to bring Polish-Siberian historical and source heritage into Russian scientific and cultural use. Some controversial opinions on the project and its assessments are given within the framework of dichotomy the «East–West». Ultra conservative-extremist side of the latter was reflected in the Siberian printed media by aggressive attacks on the release of earlier unknown foreign (Polish) sources on regional Siberian history, as well as by defamation of such work from the outright chauvinistic and xenophobic point of views. However, the observations and assessments of the same project are conceptually another in the special scientific literature. The scientists are discussing the priorities of the started project, its methodological principles, ways and forms of further project implementation.

Key words: regional mass media of Priangarie, special scientific literature, Polish-Siberian historical and source heritage, Polish sources on Siberian history, western ethnoculture and traditions in the historical process of the Eastern Russia development, ideological diversion of national-chauvinistic sense, xenophobia, chauvinism.

Шостакович Болеслав Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 89501370555, e-mail: bolirshos@mail.ru

Shostakovich Boleslav Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 89501370555, e-mail: bolirshos@mail.ru